

18+ СИГФРИД ФОН БАБЕНБЕРГ

Москва купеческая

РАССКАЗЫ

Зигфрид фон Бабенберг

Москва купеческая. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72281005

ISBN 9785006767744

Аннотация

«Москва купеческая» – страстная реабилитация сословия, создавшего лицо старой столицы. Сквозь анекдоты иностранцев («все купцы – плуты!») и мифы интеллигенции («тёмное царство») книга восстанавливает правду:– Как Елисеев превратил гастроном в дворец, а Берг построил дом-холодильник и т. п. Их «бесчестность» кормила города, а меценатство рождало культуру. Время сказать спасибо.

Содержание

КАМЕННЫЕ ПАЛАТЫ И ТЁПЛЫЕ СЕРДЦА	5
Москва Купеческая	7
Лорд, Купец и Три Бочки Вранья	13
СЦЕНА 1. КАБАК «У ЯКИМА» (1676 год)	13
СЦЕНА 2. ГАСТРОНОМ ЕЛИСЕЕВА	15
(1890 год)	
СЦЕНА 3. ЛАВКА САПОЖНИКА АРХИПА	16
(1910 год)	
Дом-холодильник Берга!	18
Толстосум, Мельпомена и Три Клеветы	22
СЦЕНА ПЕРВАЯ: КЛУБ «АГРАРИЕВ»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Москва купеческая Рассказы

Зигфрид фон Бабенберг

© Зигфрид фон Бабенберг, 2025

ISBN 978-5-0067-6774-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КАМЕННЫЕ ПАЛАТЫ И ТЁПЛЫЕ СЕРДЦА

Дорогой читатель,

Перед вами – не учебник по экономике, а приглашение в московский купеческий театр, где: – лабазы пахнут трюфелями и керосином, – счётные книги соседствуют с театральными афишами, – а «толстосумы» в поддевках творят историю, поплёвывая на усы интеллигентской спеси.

Эта книга родилась из парадокса: Москва звала купцов «тёмным царством», но именно они —

– вымостили улицы камнем вместо грязи, – возвели Художественный театр на деньги от «колониальных товаров», – а в голодные годы кормили города, когда казна опустела.

Вы встретите здесь: • Григория Елисеева, превратившего гастрона в дворец барокко – «чтобы мужик ананас потрогал и мир узнал»; • Константина Станиславского, которого клеймили стихами за «похороны Мельпомены», а он ответил «системой» гения; • Монахиню Иеремию (в миру – Евгению Лукашёву), чьи слёзы по семи детям стали елеем для тайного пострига в купеческом селе.

Почему их не любили? – Петербургский чиновник брезговал: «Торгаш!»; – Иностранные путешественники сочиняли небылицы о «врождённом жульничестве»; – Собственные

писатели выводили их Кабанихами, забывая, что Савва Морозов спонсировал революцию тот самый Горький.

Но правда – в московском булыжнике, что помнит: – как купеческие обозы спасали город от чумы, – как в подвалах Елисеева рождалось русское шампанское, – как «бесчестный торгаш» Архип вернул англичанину три золотых, потому что «чужая копейка жжёт карман».

Эта книга – антидот против мифов. Она докажет:

«Русский купец – не Островский, не Уоллес, не Майерберг. Он – тот, кто, продавая сардины, строил театры. Кто, хороня детей, вышивал кресты на рубахах дочерям-учительницам. Кто отвечал на клевету не памфлетом – а честным словом и полновесным рублём».

Перелистните страницу – услышите звон елисеевских витрин, спор в клубе «агаринов» и тихий плач Иеремии над могилами. Москва купеческая ждёт. Она ещё пахнет апельсинами и совестью.

Редактор серии,

Зигфрид фон Бабенберг

Москва Купеческая

Звон Монет и Шум Пиров

Ступая по брусчатке Кузнецкого Моста, под сенью неожиданно густых лип («рощи», что наперекор Думе высадил упрямый хлеботорговец Елисеев – деньги-то свои!), ощущаешь дух старой купеческой Москвы. Не чопорный Петербург, а именно московское раздолье, где удаль, расчет и благочестие причудливо сплетались.

Где жили Боги Коммерции:

Особняки Морозовых громоздились в Замоскворечье и на ул. Воздвиженке. Рябушинские – на Пресне да на Мясницкой. Аренда в самом сердце, скажем, на Тверской? Пожалуйста!

Диалог в конторе Домажного ряда (управляющий – молодому приказчику): «У Подсосенском переулке, в доме Перлова, чаеоторговца, освободилась анфилада. Шесть комнат, потолки лепные, печи изразцовые... Тысяч восемь в год просят. Не по карману нашему брату, а купцу первой гильдии – сущий пустяк! Вот ежели на Сретенке – там и за три тысячи сыскать можно, да уж вид попроще».

Приказчик (вздыхая): «Эх, Иван Потапыч, мечтается мне на Тверской пожить...»

Управляющий (усмехаясь): «На Тверской? Там графья да

князя селятся! Али ты наследство тайное получил? Там и пятнадцать тысяч мало будет! Купец там – либо как Морозов Савва, театр себе выстроивший, либо с векселями в кармане, да с долгами по уши. Лучше в доходном доме угол снять, на Пятницкой, за пятьсот целковых – и то роскошь!»

Бани, Балы и «Золотая Молодежь»:

Помимо легендарных Сандунов, славились Центральные бани (на Неглинной) и Китаевские (на Сретенке). Конкуренция была жаркой!

Диалог двух купцов после бани (Центральные бани): *Купец 1 (пыхтя, растирая паром покрасневшее тело): «Ну что, Сидор Карпыч, как парилка? По-моему, нынче парок слабоват. Не то что в Сандунах! Там, говорят, в «Императорском» номере мраморный бассейн с фонтаном!»*

Купец 2 (бодро окачиваясь из таза): «Брось, Терентий! Сандуны – для франтов да актеров этих. Шум, гам, цены – купцам не пристало. А здесь – чистота, парок духовитый, мужик свой, без затей. И полотенце пушистее! За свои пять гривен – самое то. Китаевские, конечно, дешевле, тридцать копеек, да уж больно тесно, простонародье...»

Купец 1: «А сынок-то мой, Петруха, только в Сандуны и рвется! Говорит: «Там и бильярд, и ресторан, и видимость какая!» Видимость... Эх, молодежь!»

Эта «золотая молодежь» – сыновья богатеев – задавала тон. Одни, как Щукин или Морозовы-младшие, картины собирали да театры спонсировали. Другие же:

Диалог в ресторане «Ярь» (два молодых купеческих сына, «кутилы»): Первый (развалившись, звоня бокалами): «Ну, Степка, что надумал? После устриц – в „Стрельну“? Там цыгане нынче – огонь! Али в клуб Английский? Бильярд перекинем?»

Второй (несколько навеселе): «Бильярд? Скучища! Поедем-ка лучше на бега! У меня тройка Орлова-Чесменского в закладе стоит... Дюжину шампанского на стол – и махнем!»

Первый (хохоча): «Отчаянный ты! Батя-то узнает – опять в лавку за прилавок поставит, „дурь выбивать“!»

Второй (махнув рукой): «Плевать! Деньги-то его – наши будут! Сегодня гуляем! Эй, половой! Еще „Клико“! И цыганский хор сюда! Пусть споют „Черные глаза“!»

Рестораны и Клубы – Дела и Тщеславие:

Дела вершились не только в конторах, но и за столиками «Эрмитажа» Оливье, «Праги», «Тестова». В Купеческом клубе (ныне Театр Ленком) или Английском клубе решались судьбы контрактов и браков.

Диалог за обедом в «Эрмитаже» (два солидных купца-промышленника): Купец 1 (отхлебывая уху): «Слушай, Гаврила Семеныч, насчет поставки сукна для армии... Твой мануфактурный двор мощности наращивает?»

Купец 2 (отрезая кусок стерляди):

– Наращиваем, Петр Алексеич, наращиваем. Новые станки из Манчестера ждем. А ты как с подрядами на железную

дорогу? Слышал, Рябушинские метят?»

*Купец 1 (понижая голос):

– Метят... Но у нас, стариков, связи покрепче будут. Намедни у генерал-губернатора в Английском клубе в вист перекинулись... Дело, думаю, сладится. Главное – вовремя «благодарность» нужным людям оказать. Не то что нынешние молодчики – театр Мамонтова разорили своими «эстетическими затеями»! «*

*Купец 2 (кивая):

– То-то! Бизнес – он на расчете стоит, а не на оперетках этих. Хотя... (оглядывая роскошный зал) обед у Люсьена Оливье – это тоже дело! Партнеру приятно, статус виден. Закажи-ка лучше нам его фирменный салат да рябчиков «побоярски»!»

Традиции и Перемены:

Старая патриархальность (бороды, кафтаны, строгий домострой) уходила. Молодые купцы брили бороды, носили европейские костюмы, жертвовали на искусство, заводили автомобили. Но фундамент оставался:

Диалог в доме у купчихи-старообрядки (разговор с дочерью): Купчиха (строго):

– Машенька! Опять в это «благотворительное общество» собралась? Модно стало? А молебен дома отстоять? Белье приданое досмотрела?»

Дочь (робко):

– Маменька, я ж сиротам помогаю... Платья старые раз-

даю...»

Купчиха:

– Богоугодное дело, не спору. Да только смотри, чтоб без фамильярности! Ты – купеческая дочь! Помни, чья ты роду-племени! Не то что нонешние... вон, дочь Рябушинских, слышала, в университет ломится! Уму непостижимо! Барышня – и вдруг студентка! Позорище! Дом – ее университет. Муж да дети – ее диплом. И чтоб я больше не слыхала про эти ваши «собрания» без присмотру!»

Наследие в Камне:

Идя по улицам, видишь доходные дома – настоящие «фабрики квартир», приносившие баснословные доходы (как дом Строгановского училища на Рождественке). Видишь чудо техники – дом-холодильник Берга на углу Кузнецкого Моста и Рождественки, где глыбы льда хранили тонны провизии. Видишь театры, построенные на купеческие деньги – от Частной оперы Мамонтова до Художественного театра, которому помогали Морозовы.

Скандалы и Сплетни:

А уж истории ходили сочные! Как купеческий сын проиграл в карты целую лавку с товаром за одну ночь в «Яре». Как разорившийся фабрикант прыгнул с колокольни Ивана Великого. Как одна купчиха подала на развод, уличив мужа в связи с цыганкой из хора. Эти сплетни шептались на рынках, гремели в судах и услаждали посетителей все тех же

бань и ресторанов.

Так и жила Москва купеческая – между богомольем и кутежом, лавкой и театром, строгим обычаем и дерзким новаторством, оставляя после себя не только капиталы, но и ту самую неповторимую архитектуру, дух и легенды, что до сих пор манят нас на экскурсии по ее старым улицам. Кажется, вот-вот завернет за угол нарядная колядка, запряженная орловским рысаком, с молодым купчиком, спешащим то ли в контору, то ли на свидание к актрисушке...

Лорд, Купец и Три Бочки Вранья

Подзаголовок: Почему Майерберг ошибался, а сапожник Архип был честнее всего «Таймс»

СЦЕНА 1. КАБАК

«У ЯКИМА» (1676 год)

(Австрийский посол Майерберг тычет пером в свиток, сидя на бочке с квасом)

Майерберг (бормоча по-латыни):

– «Mercatores... fraudulent!» То бишь: «Купцы русские – плуты!»

Пьяный купец Сидор (подбоченясь):

– Барин, а коли я тебе за медный грош соболью шубу продам?

Майерберг (оживляясь):

– Якобы дешёво? Да!

Сидор (хохоча):

– Вот и врешь! Не продам. У нас на Руси первое правило: «Не обманешь – не продашь, а соврёшь – совесть зазрит!»

(Вываливается под стол. Майерберг пишет: «Подтвер-

ждаю: жульничают даже пьяные!»)

СЦЕНА 2. ГАСТРОНОМ ЕЛИСЕЕВА (1890 год)

(Англичанин Уоллес, корреспондент «Таймс», щупает ананас)

Уоллес (продавцу):

– Сколько?

Продавец Иван:

– Пять целковых, сэр!

Уоллес (в блокнот):

– «Типичная бесчестность! В Ливерпуле – вдвое дешевле!»

Иван (подмигивая):

– А пароход до Ливерпуля – сто целковых. Экономия!

(Вдруг из-за прилавка вылезает мальчишка-рассыльный:)

Мальчишка:

– Дядя Ваня! Барин забыл сдачу – три золотых!

Уоллес (роняя пенсне): – Но... зачем возвращать?!

Иван (пожимая плечами):

– Чужая копейка – жжет карман. Второе правило: «Обмануть можно, но стыдно».

СЦЕНА 3. ЛАВКА САПОЖНИКА АРХИПА (1910 год)

(Тот же Уоллес, постаревший, примеряет сапоги)

Архип:

– Десять рублей, барин! Кожа – сафьян, подмётка – вечная!

Уоллес (подозрительно): – Правда?

Архип (крестясь):

– Божусь – коровья. Но... ежели на дождь – промокнут.

Уоллес (смеясь):

– Почему не солгал?

Архип (чешет затылок):

– Третье правило: «Врать немцу – грех. Он ж книжки про нас пишет!»

(Уоллес рвет старые заметки. Пишет телеграмму в Лондон:)

«СТОПТИРАЖ. РУССКИЙ КУПЕЦ ЧЕСТНЕЕ АНГЛИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ. ПРОДАЙТЕ АКЦИИ ИНДИИ – ПОКУПАЙТЕ РОССИЮ. УОЛЛЕС»

Мораль в стиле Посошкова:

«Не ведись, купец, на крики,

Что ты плут и что ты дикий.

Лучше честно продай спички,

Англичанам в рот затычки!»

Дом-холодильник Берга!

Дом-холодильник купца Берга! Не дом, а чудо инженерной мысли XIX века на самом людном перекрестке Москвы. Забудьте про электрические «холодильники» – здесь царствовал вечный лед, а атланты держали не небо, а тонны столичного гастрономического шика! Читайте историю, пахнущую стружкой льда, дичью и трюфелями...

Сцена: Москва, 1889 год. Угол Кузнецкого Моста и Рождественки. Толпа глазееет на новостройку: 4 этажа в стиле «русский модерн» с витражами, лепниной... и гигантскими чугунными трубами, дымящими, как драконы.

Купец Сысой Прокофьич (толкая локтем приказчика): – Гляди-ка, Терентий! Франт Берг опять чудит! Говорят, ледяной дворец выстроил! Аль снежную бабу в палатах держать собрался?

Приказчик Терентий (втягивая воздух): – Не бабу, а прохладу, батюшка! Чуешь? Сквозь щели морозцем тянет! Слышал я – подземные пещеры вырубил, да глыбы льда с Москвы-реки возами таскают! Для дичи заморской, трюфелей... да балыка астраханского!

Внутри: Царство Вечного Января

Вестибюль. Мрамор, дуб. Надпись золотом: «Складъ замороженныхъ товаровъ. А. А. Бергъ». За железной дверью – исполинская лестница вниз.

Смотритель Арсений (в тулупе и валенках, выдает посетителям тулупы):

– Не извольте, судари, без шубы! Внизу – как в Вологодской губернии на Крещение! Минус 12 градусов по Реомюру держим! Ледяные стены – в три сажени толщиной!

Спуск. Гул шагов. Воздух сизый от холода. Гигантские сводчатые камеры, где на полках из лиственницы:

Горы окороков – вебрь, лось, медвежатина, инеем поросшие.

Батареи пузатых бочек – икра зернистая, кетовая, паюсная.

Ряды туш – рябчики, глухари, тетерева с застывшей кровью на клювах.

Ящики с «черными алмазами» – трюфели из Перигора!

Блещающие пирамиды – стерлядь, нельма, белорыбица – вмёрзшие в глыбы прозрачного льда!

Повар ресторана «Эрмитаж» (тычет тростью в стерлядь):

– *Вели, Арсений, энту стерлядину на возок грузить! Да гляди – жабры алые, лед чистый! А то графу Петру Александровичу подам – осерчает... как в прошлый раз, когда семга «с душком» пришла!

Арсений (строго):

– У насъ, сударь, не протухнетъ! Ледникъ вентилируемый – воздух гуляетъ! Сырость в дренаж уходит! Товар – яко в Сибири на зимнике!

Технология Чуда: Как это работало?

Ледозаготовка: Зимой крестьяне с Пивной (ныне Большой Пироговской) улицы пилили глыбы со льда Москвы-реки. Вozy, обернутые рогожами, тащили их к Бергу.

«Начинка»: В подвалах складывали ледяные блоки между кирпичными стенами и деревянными перегородками. Соль + селитра (как в старинных мороженицах) усиливали холод.

Вентиляция: Чугунные трубы вытягивали теплый воздух наверх. Летом из них валил пар – москвичи шутили: «Берг пельмени варит на весь Кузнецкий Мост!»

Логистика: Лошади с ледяными «гривами» (иной от дыхания) вывозили товар. Термосы XIX века: ящики, выложенные пробкой и овчиной!

Кризис: Лед Тронулся! 1918 год. Дом реквизирован. Надпись: «Народный Холодильник». Комиссар в кожанке (тычет накладной): – Гражданин завсклад! Сию буржуазную стерлядь – в детдом №7! А трюфели... на экспорт! Для мировой революции!

Бывший смотритель Арсений (плача): – Да трюфели-то... без французского вина – как сапоги без сала! Дети их жевать не станут!

Через месяц. Лед тает. Вода хлещет по лестницам. В подвалах – запах тлена. Мальчишка-беспризорник (выбегает с окороком, покрытым плесенью): – *Ха! «Народный» холодильник! Теперь тут «народный» погребок с крысами! Берг-то смылся... а лед растаял, как царская власть!»

Дом Берга стоит и сегодня (Кузнецкий Мост, 19/5).

Атланты у входа уже не держат лед – лишь призраки былого величия.

В роскошных залах – офисы да магазины.

Но если приложить ухо к стене подвала... слышен скрежет ледяных пил да ржанье обмерзших лошадей. И чудится крик:

– Осторожно! Лед бьется! Несите соль – осетрина оттаивать начинает!

Финал с иронией: Так и стоит дом-парадокс: снаружи – архитектурный изыск, внутри когда-то – пещера Снежной Королевы для ветчины. Москвичи любили, ругали, но объедались его запасами. И пусть техника ушла в прошлое, а легенда осталась: единственный в мире дворец, где атланты держали на плечах не небо... а эпоху замороженного изобилия.

**Толстосум, Мельпомена
и Три Клеветы
Почему московский купец
честнее петербургского
чиновника, умнее славянофила
и культурнее парижского маркиза**

**СЦЕНА ПЕРВАЯ:
КЛУБ «АГРАРИЕВ»
(Москва, 1898 год. Дым
сигар, звон рюмок)**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.